

Глебина Маргарита Владимировна

11 класс

г. Москва

№ 2216

ТЕТРАДЬ

для _____

учени _____ класса _____

_____ ШКОЛЫ _____

51716

В сборнике Сергея Довлатова (собственно в том же издании, как «Сало на Ундервуде», «Сало на IBM») нельзя не отметить такую характерную особенность, как внимание к людям, к отдельным героям их мимике, манерам, привакам, ^{их} отношению к окружающим и к миру в целом. Умение водить речь, уникальное поведение, находить детали, благодаря которым и создаются целостные представления о человеке, публикуются писателю создавать запоминающиеся образы современников и, таким образом, давать комплексное, многогранное отражение своей эпохи.

51716

Важно, «История пера» представляет собой неоднородно, но весьма однородно в содержательном и идейном плане зарисовку и шири писателя - эмигранта Левинского. Образ героя собирается фрагментальных материалах, подобно тому как складывается из множества отдельных деталей и характеристик. Но и фрагмент является диаграммой, и содержание поведения героя, его отношение с окружающими, сугубо фрагментное фрагмент, продолжение шубки, выявлено применение на ур метафоры... Образ всё новыми подходами, образ как он напоминается на сюжет рассказа, присоединяет целостность, полноту и уникальность.

к 3

+

Как такой Левинский, что о нём известно, каково основное ядро существование его личности? Дать помощь исследованию своему на эти вопросы, автор представляет наблюдения фрагмент

герой материал — правую биографию героя, из которой мы узнаем ряд фактов, имеющих особую ценность для раскрытия содержания романа и последующую «сравнительную массу». Так, известно, что отец Левинского был «видным меньшевистским деятелем», что в девятнадцатом году семья эмигрировала, что герой «успешно камуфлировался в адвоката», с детства знал английский язык и впоследствии «стал единственным среди русских-американских предпринимателей». У героя существует устойчивая система взглядов и идеалов: он «всю жизнь ненавидит хамство, антисемитизм и цензуру». Характерные для Левинского взаимоотношения к мигрантам, поведенческие особенности человека проявляются в откликах «написав» Левинского, в которых немало отмечается некоего «детского», смелого и прямого (отношения к герою, кстати, проявились в финальной фразе романа): «он справедливо оправдал свою территорию (такой же замечательный материал не встречается про него ни в одном из моих переводов и статей каминного мастера в Швейцарии); как против соседа, миролюбивого призрачного человека не по праву героя; «дуэль с кем-то в Булавке, увещание в подвале на «лавинных рогах» (дуэль как таковая, связанная со смертностью опасного и призывающей к решительным действиям героя, ~~она~~ она — из некоего повода тоже трансформируется в некую игру, прихоть) и т.д.

«Оно воистинно живым человеком», — оживает автор, и при внимании к осязательным взаимоотношениям Левинского и окружающих его фактов не возникает сомнения, Своей слабой он, как представляется, отовсюду не берет, он скорее угадывает его: своих персонажей он заставляет подавать ожидаемый прием; Великую правду принимает «без убого», которое многократно обдумывается вдумчиво; правды капиталистических отношений дадут оценку их отчаянно возмущают у него лишь «сражающегося гримасу на лице». В этом отношении финал романа выигрывается довольно естественно, поскольку полного унижения в мироустройстве героя.

Своеобразие характера Левинского и некоторая противоречивость. Так, не будучи на своего «ненавидит и хамство», он позволяет себе ругать и критику откровенно и сдержанно не возмущаясь его убожеством писателя (великая красноречивость его возмущение в адрес Эпсона), а порой и доходит до довольно шокирующих высказываний («Не похорошах Ходасевича идуя гримасу [этого героя, датая героя] Георгия Иванова»).

Характерные черты характера героя его резкие высказывания, откровенная или фразы и комментарии. Перед нами, бесспорно, предстает человек, обладающий незаурядными губовыми тоннами, привлекательности, однако, весьма доброй сущностью и даже интеллигентности. К собственному дню рождения герой относится символически, с капризом — непредвзятым, самокритичным: «какая призрачная

исотидатство — семьдесят лет! — отличный пример индиген-
есной фразы, в основе которой лежит принцип несоответствия
между поведением и тем, что под ним подразумевается. Энциклопедия,
не придёт лирокуррентно Левинского, всевозможные последние на
выдумывание ^{заказов} заманчивых, вубежающих о идеее писателя.
Синтаксис через аспект переносится на несуднубеитные предметы,
детали интереса: уветь стилина оспрашивается как „андридерик“,
порт обладает „деревяной конфигурацией“, примототеленное
„Репные, вюдое“ в описании светов также передает акценту
архитектурность обстановки и её обусловленность от энциклопедич-
ного восприятия через, описывается к портретному созданию
перуного для с икраванием рабидурчима и видетелу в ией
мимь повод для прошии. Вообще модель и шупе — неоган-
лемая черта личности через, что проявляется во мнотестве
фраг: „В утанища в забвении“ (видовь считается парсе
портретного повода для подравления со сверстн одурих),
„Корочевова, ивернее“ (в ответ на вопрос Гермидо о кафе),
„Не с собой?“ (о пришедшей даме), „не сподобилась о мои
добитки“ (предупреждение Ренне) и т.п. Интересно, что
в основе языка Левинского чаще всего оспрашивается модаль
время, ширин и аспект (забвение, дама с собой (аллигера
на ~~на~~ радичистотой фраг Сигар), предпретате и врасоду).
Весь уже замалодываете предлаидая расказа, сирбоая в его

направит, которая также получит развитие в ходе развёртывания
сюжета.

Для восприятия характеристики язык Сатириком представляется
очень сложной и многоязычной подачей современниками.
Высказанность воспринимается Левинского как „ироничного
русского писателя в иронии“, его речитат похруется ольшой
популярностью. В собственном описании, однако, эта известность имеет
скорее отрицательную окраску: в ^{собственн} литературе, энциклопедич,
писатель упоминается „с ироничностью драматических эпизодов“.
~~Многие~~ Нельзя говорить о Левинском и обделенное мнотство:
предупрежд кемтоади поворот о его чрезмерном эгоизме, не
перваяящая ему дово христианская; Завожева-Рейнальде
называет его „неисполнимой манюшкой“. Речитат сиривший Левинского,
его неперлмисость естествен ольшого погову для поведного рода
адресок.

Такими фразами, ^{психологический} ~~портрет~~ через ~~портрет~~ сформировае на предмете
ваго расказа, савалюясь иу мнотомленнотых деталей и характеристик.
В основе же сюжета преувеличение личности ольшой олугод
иу ширин писателя-эпиграфа Левинского, а ширин его
встреча с молодой писательницей Ренной Гаспарши, гериний,
фраг которой Довлаев также раскрывает достаточно подробно,
тем самым акцентуируя на ней внимание читателя.

Важнейшие моменты Ренной происходят в описании

автор искусства сравнивает с „бразильским Этно-16“, вероятно, символически охватывая, которое в начале молчаливо и тактично, давая „высказывание“, лишь ступенчатый успех. Работая, не имея ни малейшего успеха, Ренна здесь сталкивается с особенностями характера Левинского, вальские что приводит к конфликту. Последовательную заставляет вальские часа отходить в поле. Конечно, но Ренна внезапно попадает в пространство, которое для ее себя, ее содержание молчаливо поощряет, которых „подкармливают, а также перепишет выкрикивания“. В нехотей ситуации находится и Ренна: ~~она~~ ее упрямая кофта сгорела и предостерегает ее осторожность даже выкрикивания „мастер Левинский“. Ренна упрямая, упрямая но ее поведение „оказалось упрямостью“, однако при этом использует диалогичность перед авторским текстом.

Интересна структура диалога между ~~ней~~ Лопосом Ренна говорит диалогично, даже заранее предугадывая образцы, ~~она~~ которую упрямая некоторая уверенность („каждый из говорил, но я была давняя пометка...“, „Риск лишь улавливал неслучайное нахождение...“ и т.д.), итак, не делая пауз, придавая речи „важную нежность“. Однако под влиянием ступенчатого характера ее диалог становится короче, сдвигается („я надеюсь... я уверена... Короче-во...“). Состо-

итания „короче“, упрямости в вальсованной своей двандо, здесь приобретает особую символическую нагрузку ввиду значения слова афоризма „Короче короче...“. Его упрямости Левинский, ~~который~~ роль которого не очевиден и Ренна весьма востановит, подлинно предвещая диалог: „Чем, удачно, могу быть вам полезен?“, „Мне похоти“, ^{тем могу помочь} и т.д. Однако очевидно и упрямость, символически означающая писателя к последовательности: он, как и в проверке Гермидой, деманирует диалог и символически, вальские упрямости о своем дне рождения — „прямой, неслучайности“. Получив в подарок свой истинный диалог, Левинский, как и прежде, Ренна отходит, вальские свой диалог и упрямости. Однако ^{закреплено} ~~она~~ „я был уверен, что эллипсов не существует. Я размышлял их по всему миру“ вальские дальнейшие сомнения, как и ^{каждый, который существовал} слова Левинского о том, что последние эллипсы разных цветов „замечательны короче [т.е. Софии] разорили дуришину у себя на даче в Хулике“. Конечно, итак, вальские выкрикивания представляются ясной.

В повествовании через пространство уже упоминается ранее элемент игры: он ~~все~~ держит подержанное значение, ценит руку Ренна, с проверкой спрашивает Ренна ей: „Конечно, итак, истинные слова не разрушаются вальские моменты“. Левинскому, как и истинному писателю и поэту, естественно раньше предостережение своим различным прозе-

деятель. Об этом его отношении и объективному взгляду
мысли лишь догадывались, однако конкретные рассказы в целом
позволяют выбрать ряд предположений.

Тама Вереща, заглавная в начале произведения, символи-
зирует миссию. В конкретном рассказе говорится о том, что отношение
Левинского к приключениям на эти подвиги и идеалы упрощены.

Так, если раньше от "крайности в памяти до убога", то теперь
он "не без удовольствия" их добывает, воспринимает их лишь как
"маленькие словесные приключения", не имеющие ценности.

Сами метафоры звучат остро, однако довольно безразлично

(«Потому что миссия падает», «Волшебная палочка приключения»).

На память приходят образы символизма, преобладающего
«искусство ради искусства», свертываясь Вереща от реальности,
ее уход в мир воспоминаний, иллюзий. Левинский же от подобной
метафорой отворачивается, а значит, «искусство» он не принимает.

Обсуждением Верещи ~~переход~~ писателя-эмигранта в рассказ не
содержится, однако можно проследить процесс эволюции в его
становлении: если в юности ~~он~~ герой вступает к нему связь,
~~тогда~~ во взрослом он отделяется и шагнув романа, и уже,
благодаря ему и приобретает уверенность. Тот отход от подвиги-
ских форм можно также воспринимать как уход от искусства
или самознания, свертываясь от миссии.

Наконец, благодаря Вереще мы узнаем название романа

Левинского: «Далекий берег», «Удар», «Преподнесение там»!

Сидя в кафе, Вереща задает вопросы о Левинском, размышляет о
его взглядах, привычках, вкусах, и это видно, что через миссию
личности воспринимает как загадку. Название романа,
по содержанию приключений «Фрэнк Берен», «Дар» и «Преподнесение
Вальера» помогает намного приобщить задачу, но история
сказывается герой, и входить в него образ Владимира Владимировича
Набокова, русско-американского писателя XX века. Рассказ
Набокова, своим образом, основывается на реальных фактах
действительности. Однако остается неясным название произведения...

Как уже отмечалось, ~~в~~ моды времени, миссия в ее
Верещином и смерти проявилась уже в конкретном рассказе.
Самую же фразу «Миссия героя» Левинский производит довольно
неопределенно, в неясном контексте, благодаря чему она приобретает
особую значимость. Вероятно, герой здесь вновь прибегает к
своей собственной или чуждой манере общения, однако ищет
слова фразы, замечаясь разрываясь в ее продолжении,
появляется восторг на проблематичную тему. «Миссия героя,
искусство верно» — так звучит афоризм Гиппократа, возмущающий
одно из восточных философов предвостановления — конфликт
миссии и искусства, в рассказе Набокова симметрично
как конфликт миссии и литературы. Левинский не видит
ценности в Вереще персонажа его персонального писателя, он

предоставляют ему шалстони, Битаровичи, сюда его водили
по одному лишь похвально иатство "судов" о его рудности
Ремит. "Сурренте итум и сират", "предубавие осени" —
абстрактное повествование, управление словом вперемешку, как
камень, на страницах всех произведений. Для замаскированности,
беспредельность имеет подводное повествование ^{художественное} делится, срывает их
от реальности. Однако ватно, рас, отправная книга ~~жизни~~
Ремит Гаспарян в "гипнотическом" мизантропизме, Левинский
не делает исключение и для своего соборника, которого вконец
отдает аналогичная судьба. А значит, инициалы героя переносит
на ~~мизантропизм~~ ~~бессмысленно~~ ~~не~~ подводное роды инициалов в
цели. Полагая, что бранистотиниование итература и жизни
Левинский также не принимается. Повествование, инициалы и "версико"
разрабатываются, однако на иной уровне: инициалы востанавливаются
не как полёт в мир фантазий, но как осадок внешнего,
версико мир, версикоизация над реальностью, над кратким
мимолетным миром. Версико, герой срывает всё мир парадоксов
и итум, инициалом финальной фразой рассказа звучит
реальность инициалы переносит в аитуму. Мотив итум
проникновения и в романах Надонова, в газетной, образ
шаклат, инициаловитий в "записное митум". Сам
писатель также срывает единство итература и жизни, как
и его проповедь, герой рассказа Фавлатова. Итум же срывает

ициалы инициалы, в версико мир, сам инициал
абстрактно в инициаловитий инициалов срывает и итум осадок
ициалов востанавливаются. Инициалов как ~~и~~ инициалов инициалов срывает
свое осадок реальности, инициаловитий, следовательно от инициалов и
и инициалов инициалов инициалов инициалов инициалов.

- 1 Анициалы инициалов, респект
- инициаловитий востанавливаются инициалов
- 2 Композиция работы инициалов инициалов инициалов
- 3 Терминация инициалов инициалов инициалов
- 4 Востанавливаются инициалов инициалов инициалов

$$20 + 14 + 9 + 8 = 51$$

Инициалов (И.И. Гаспарян)
Инициалов / Инициалов